

Андрей
Дубровский

ВАТИКАНСКИЕ
НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ

Андрей Дубровский

Ватиканские Народные Сказки

«Издательские решения»

Дубровский А.

Ватиканские Народные Сказки / А. Дубровский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740069-9

Книга «Ватиканские народные сказки» является попыткой продолжения литературной традиции Эдварда Лира, Льюиса Кэрролла, Даниила Хармса. Сказки — всецело плод фантазии автора. Шутка — это тот основной инструмент, с помощью которого автор обрабатывает свой материал. Действие происходит в условном «хронотопе» сказки, или, иначе говоря, нигде и никогда. Книга предназначена для широкого круга читателя.

ISBN 978-5-44-740069-9

© Дубровский А.
© Издательские решения

Содержание

Praefatio (i. e. Вступление)	6
I	8
О достохвальном подвиге кардинала Пия, учинённом им во славу Господа нашего, о посрамлении диавола в личине лесного разбойника и о девяти непорочных девах, спасённых сначала телесно, а затем духовно	9
II	10
О нунции Ставракии, божьем посланнике народам, не ведающим истинного Бога, о зайчике, твари божьей, и о любви к детям	11
III	12
Папа Амабилий XXX – изобретатель celibата	13
IV	14
О посрамлении коварного византийского посла	15
V	16
Византийская трапеза	17
Пролог	17
Парод	17
I Эписодий	17
I Стасима	19
II Эписодий	19
II Стасима	19
III Эписодий	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Ватиканские Народные Сказки

Андрей Дубровский

Редактор Александр Ильин

© Андрей Дубровский, 2018

ISBN 978-5-4474-0069-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Praefatio (i. e. Вступление)

Давным-давно жил-был в Ватикане сказочник. Но то был не простой сказочник – работал он в папском оффиции (сказок и необычайных историй. В долгие зимние вечера, когда бушевала вьюга или свирепствовал варвар, сказочник услаждал слух Папы и его кардиналов сказками собственного производства. И подчас такие фаворы учинял он уху клерикальному, что иные кардиналы, забыв про свой сан, заливисто смеялись, весело топали ногами и хлопали в ладоши.

Но однажды, когда сказочник, преисполненный вдохновения, сочинял новые сказки ко дню Ватиканского Трудящегося, (в Центральный Ватиканский генератор попал некрупный метеорит. В силу своей малости метеорит не содеял масштабных материальных неприятностей, но весь Латеранский дворец, (где тогда находилась келья сказочника, погрузил во тьму основательно. Тут-то, ища во мраке свечу, сказочник и вспомнил, что ещё с утра его переносной телефонный аппарат совершеннейшим образом разрядился. А зарядить его стоило бы: не ровен час, мог позвонить какой-нибудь кардинал и сказать, что ему страшно в темноте, и потребовать посему сказки жизнеутверждающей.

Надо было спешить, и в поисках места, где ещё могла оставаться на дне резервуаров энергия, сказочник вышел за пределы Латеранского дворца. Вышел в первый раз за свою жизнь, успевшую убелить его благородными сединами.

Нет нужды говорить, что многолюдный и южный по своему темпераменту город поразил сказочника несказанно. Он не мог понять, зачем находящиеся друг рядом с другом люди, разговаривая меж собою, кричат, будто от рождения глухие; почему уличные торговцы бросаются на него, словно малайские пираты, и отчего они так твёрдо уверены, что он непременно впадёт в ничтожество и не сможет дальше существовать, если не купит у них брелок в виде Пизанской башни или шапочку в виде зонтика. Один торговец пал перед сказочником во прах и заклинал его купить вот эту репродукцию с картины новомодного живописца Михаилангела, (если не хочет, чтобы семья торговца умерла с голоду. Сказочник, при всём своём желании, никак не мог помочь несчастному – у него не было ни сольдо. Осознав неплатёжеспособность сказочника, торговец весьма ловко поменялся в поведении и высокомерно отошел прочь, бормоча что-то на вульгарной латыни. Его латынь была настолько вульгарна, что сказочнику удалось понять лишь немногие слова, имевшие общие индо-ватиканские корни.

Наконец, сказочник увидел то, что искал: за очередным поворотом явился пред ним магазин всяческих услуг. Здесь можно было и оформить пропуск в Вавилонскую Государственную библиотеку, и купить путёвку в Гиперборею, (и приобрести аппарат светописный; за умеренную плату здесь могли сделать даже маленького гомункула. Наконец, в этой феерии просвещения и прогресса, сказочник нашёл искомое и направил свои стопы к помещению, завешанному рекламой, в которой сулили невероятные возможности: «роуминг по всему Капитолийскому холму!», «надёжная связь, не пропадающая даже в катакомбах!», «монеты на счёт переводятся через три дня!», «тариф «постный-лайт»» – VI сольдо в минуту, с включением церковной десятины!», «новое поколение телефонов – сверхмалый корпус, легко переносится двумя людьми, работает в три раза дольше с вдвое меньшим расходом угля!».

Выйдя из магазина, сказочник с крайним неудовольствием обнаружил, что некий злодей угнал его рикшу, искусно нейтрализовав сигнализацию (сторожевой петух валялся невдалеке со свёрнутой шеей). Было это весьма некстати: разгорячённое Солнце, упившись небесным хмелем, гнало людей под навесы. Поспешил туда же и сказочник. В одной из крытых галерей собралось множество народу, и сказочник, движимый свойственным ватиканцам любопытством, пошёл приумножать толпу. Оказалось, что некий крестьянин, приехавший по делам в столицу, коротал своё и окружающих время полдневного зноя рассказыванием сказок.

То, что услышал сказочник, повергло его в ужас, а затем в уныние: по прошествии многих десятилетий, только сейчас он понял, насколько безжизненны и блёклы были его сказки по сравнению с тем, что он услышал сейчас! Решение было принято мгновенно: он немедленно отправится путешествовать по свету, слушать и записывать сказки. Зачем – он ещё не вполне осознавал, ибо разум в тот момент ввергся в хаос и управление на себя взяли чувства.

I

«Но зачем сказки нам не подают той, которая повергла в уныние столь почтенного сказочника!?» – восклицает осерчавший на нашу рассеянность заинтригованный читатель.

Ах да! Вот она:

О достохвальном подвиге кардинала Пия, учинённом им во славу Господа нашего, о посрамлении дьявола в личине лесного разбойника и о девяти непорочных девах, спасённых сначала телесно, а затем духовно

Однажды по дремучему лесу, окружавшему славный град Ватикан, шёл кардинал Пий. Он отправился в гущу леса нарубить дров во славу Господа.

Он шёл и пел гимны Творцу. Вдруг за очередным поворотом он увидел картину исключительного душепотрясения: некий демон, обратившийся в разбойника, собирался содеять нечто оскорбительное по отношению к девяти невинным юным девам. Нисколько не раздумывая, благочестивый Пий взмахнул топором и воскликнул: «Именем Господа, стинь, нечистый!» После такой убедительной демонстрации силы Вседержителя, чрез эманацию (на служителя Его, нечистый предпочёл ретироваться в ближайшие заросли.

Спасённые столь удивительным образом, юные девы принялись наперебой восхвалять своего избавителя, и говорить, что в благодарность готовы сделать ему всё и по-всякому. При этом они недвусмысленно давали ему понять, какого рода плезеры его могут ожидать.

Но Пий, кардинал исключительного благочестия, с негодованием отверг столь бесстыдную награду, смиренно ответствуя, что дланью его руководил Всевышний, а он, Пий, был лишь исполнителем Его промысла.

Увидев столь поразительный пример смирения и воздержанности, девы устыдились и обещали посвятить себя Богу в ближайшем монастыре. Сказанное было тут же и исполнено.

А когда, спустя девять месяцев, у тех дев родились мальчики, они, не сговариваясь, всех их называли Пиями.

II

И вот, сказочник, исполненный решимости воплотить задуманное немедленно, вышел на проспект Двадцати Шести Кубинских Кардиналов и дошёл до ворот Святого Мизерикордия. Там сказочник задумался ненадолго (и я даже не знаю, о чём он думал в тот момент), и затем решительно выступил за пределы Города, направив стопы свои в неведомую неизвестность...

Сказочник шёл довольно долгое время – солнце уже стало клониться к земле. Он успел проголодаться, ему казалось, что путешествие слишком затянулось. За весь путь сказочник не услышал ни одной сказки. Единственное, чего он сейчас хотел – это найти какой-нибудь постоялый двор и наутро отправиться в обратный путь. Двор постоялый он нашёл. Но, настраиваясь на сон в общей зале, он вдруг неожиданно решил продолжать своё путешествие.

За IV минуты до этого своего решения сказочник услышал, как в той же общей зале возвращавшийся издалёка пилигрим рассказывал собравшимся вокруг него детям постояльцев сказку.

О нунции Ставракии, божьем посланнике народам, не ведающим истинного Бога, о зайчике, твари божьей, и о любви к детям

Однажды по бескрайним прериям, которые окружали Ватикан, скакал на своём ослике нунций (Ставракий. Он вёз слово Божие далёким народам, пребывавшим ещё во тьме язычества. Слово было аккуратно завернуто и лежало в сумке рядом с частичкой ногтя с мизинца правой ноги святого Яго Тапробанского.

Вдруг перед собой на дороге он увидел зайца. Зверёк был ранен и еле двигался. Ставракий, сокрушённо вздохнув, слез с ослика...

Нунций очень любил детей. Вечером, поджаривая на костре зайчатину, он умиротворённо мечтал: «Вернусь домой и подарю соседской дочке заячий хвостик – пусть играет».

III

Путешествие продолжалось уже несколько дней, и сказочник слышал довольно много сказок. Например, этим утром его попутчик – некий благородный синьор, направлявшийся по своим делам в Модену, – в благодарность за то, что сказочник научил его ругательствам на старопарагвайском языке, рассказал вот такую сказку.

Папа Амабилий XXX – изобретатель celibата

Однажды к одной знатной даме, жене архиепископа, пришёл в гости папа Амабилий XXX. Следует сказать, что в те далёкие благословенные времена celibат – обет безбрачия – не был ещё открыт, и ватиканские клирики вовсю наслаждались благами семейной жизни.

Папа Амабилий любил захаживать в гости к своим подчинённым, да вот незадача, всё-то их дома не оказывалось: то на работе были, то на рыбалке, а то вообще в магазин пошли и уже третий час не возвращались. Папа был статен и крайне хорош собой, и едва ли какая клерикальная жена, которую он заставлял тогда дома одну, могла отказать себе в удовольствии скоротать с ним время в приятной беседе.

Вот и сейчас жена архиепископа, с сожалением сказав, что мужа нет дома, тем не менее пригласила любезного папу на партию в шахматы. Игра оказалась настолько напряжённой, что даже служанки на кухне с завистью вздыхали, кручинясь, что не дал Бог им в мужья хотя бы завалящего нунция; а сторож у ворот – отставной швейцарский гвардеец – одобрительно кряхтел в бороду.

Но как только Амабилий поставил жене архиепископа мат, неожиданно в окно ввалился сам архиепископ. Был он зело пьян, и вместо того чтобы, как порядочный архиепископ, войти сначала в ворота, а затем во все двери, он, нарушая все законы ватиканской физики, сразу вошёл в окно III этажа. Нарушив один закон, он не остановился перед нарушением второго: видя, что его жене поставили мат, он, не считаясь ни с какой спортивной этикой, схватил победителя за причинные места и тут же сделал их беспричинными...

После этого случая папа Амабилий XXX перестал ходить в гости, стал больше времени проводить в ватиканской библиотеке им. Абеляра, (и писать стихи, в которых воспевал все радости платонической любви. Переменив свой образ жизни, папа решил и другим помочь на пути духовного совершенствования. Уединившись в своей лаборатории, он через неделю усердных трудов и смелых опытов вышел оттуда с изобретённым им celibатом.

IV

Через месяц своего путешествия сказочник решил, что не стоит ограничивать себя пределами Ватиканской империи, и направился на Восток. Долго ли, коротко ли, но вот, пришёл он к крепости Конкордия, располагавшейся на старой ватикано-византийской границе. Он вдруг вспомнил эпизод из своей давно прошедшей молодости, связанный с этой крепостью: как он тогда прочитал в газете «Истинные ватиканские новости», что доблестью ватиканского оружия и искусностью ватиканской дипломатии граница славной и необоримой Ватиканской державы передвинулась. Но куда она передвинулась, какие населённые пункты были заняты – об этом не сообщалось. Теперь сказочник на месте нашёл ответы на все вопросы. . .

Рано поутру, сидя в тени чинары и разбирая причудливую вязь византийской речи, сказочник услышал, как один такой же, как и он, уснеженный сединами старец рассказывал о тех далёких событиях сказку:

О посрамлении коварного византийского посла

Однажды в Ватикан, ко двору святейшего, непогрешимого, наимудрейшего и раба последних негоднейших рабов папы Иоанна XLVIII прибыл византийский посол. Как и все византийцы, был он хитрым, льстивым, изворотливым, вероломным, ткал интриги так же ловко и умело, как лионские ткачи ткут свои гобелены, из уст своих источал мёд, обращавшийся впоследствии в смертельный яд. Как рассказывали люди осведомлённые, он в своё время перехитрил дьявола, а при желании мог провести самого святого Петра, чтобы проникнуть в заповедный Сад! А ватиканские старожилы добавляли, что давно не видали таких хитрых послов. (

И вот, сей посол прибыл к священному престолу вести переговоры о передаче византийцам высокогорной крепости Конкордии на южной границе необъятных земель Ватикана. Восточная империя склонна была называть это возвратом, но как такое возможно! Если крепость перешла к превосходному и благочестивому Ватикану по промыслу Божьему, то только по попущению Его она может быть захвачена Византией. (

И вот, предстал посол восточного императора пред собранием кардиналов, епископов, прелатов, нунциев и самого наисмирнейшего, превосходнейшего, пресвятейшего папы. И начал говорить он речи свои хитросплетённые, мудрёные. И тогда, чтобы не поддаваться соблазну словес его, вперёд выступает епископ Иннокентий. И говорит он послу: «Не для того собралось тут столько святейших мужей, чтобы смущал ты их речами богопротивными!» Лицемерный византиец стал оправдываться, что, мол, это обыкновенная, даже в чём-то рутинная, дипломатическая практика, но в ком из собравшихся была хоть толика веры его словам! «Негоже доле отравлять умы наши чумой уст твоих!» – воскликнул тогда непоколебимый Иннокентий, и, подбежав к вероломному послу, изгнал своим посохом нечистую силу из тела его. Посол, держась за ушибленные места, удалился из собрания.

Через несколько дней византийское посольство ни с чем возвратилось к себе... в Конкордию.

V

Один византийский крестьянин сказал сказочнику, что если тот не видел Константинополя, то он не видел мира – ведь в одном этом городе сосредоточилась вся Вселенная! Сказочнику ничего не оставалось, как направиться напрямик в столицу Восточной империи.

В Константинополе, в театре Диониса он услышал трагедию Еврифокла. (Сказочник всецело принадлежал к западной, ватиканской культуре и едва ли мог понять морфологию этой драмы, но, будучи аккуратным, как все ватиканцы, он пунктуально сохранил в памяти, а затем и записал всё, что услышал. А сказка то была или нет, уже не имело для него особого значения.

Византийская трапеза

Пролог

Коль властью ты прельстился
И злодеянье совершить
Готов ты ради трона,
И суверена кровь пролить,
Не потерпев урона,
Пусть раньше попадётся
В твои глаза сей скромный труд.
Надеюсь планы мерзкие
Тотчас умрут...
Вместо тебя.

Народ

Константинополь в зарю одевался,
Солнце входило в дворцы и лачуги,
Форумы вмиг суетой наполнялись,
В улицы-вены народ изливался.
Зёв подавляя, в синклит шёл сенатор.
А у эмпорьев толпились навклиры.
И стратиотов шла тагма по Месе,
Путь направляя в восточные фемы.
А у Галаты дромоны стояли —
Слава и мощь Византийской державы —
Огонь мидийский готовые вылить
На моноксилы гостей нежеланных.
Звон в эргастериях с улиц был слышен.
И бык догорал неудачником греком.

I Эписодий

Пригласил муж благородный,
Что проэдром был синклита,
Двух друзей, высоких рангом,
На фиал вина с Родоса.
Первый был друнгарий виглы,
А второй – магистр официий.
Оба были родом славны
И севаст (к ним благоволил.

Сигму (заняв, кубки взяли —
И вино лилось рекою.
Вместе с ним лилась беседа,
С каждой чашей всё вольнее.

В час урочный наш хозяин
(Звался он Феофилактом,
Родом был из Кесарии).
Осторожно мысль озвучил:
«Император всем хорош наш —
Бел лицом, румян щеками,
Только есть один изъян в нём —
говорит как иудей он,
«р» произнося фальшиво.
Да ещё вот незадача:
Эфиопы из Аксума
Захватили весь Египет».

Поддержал его друнгарий —
Мокий, уроженец Тарса:
«Император наш, о боги,
Благосклонен, вот, к венетам.
Мне же по сердцу прасины.
Да к тому же некий варвар
Разорил уж пол-Эллады».

Наконец вступил магистр,
Славной Смирны уроженец.
(Осторожность подсказала
Выступить ему последним).
«Я, Флегонт, вам заявляю:
Император наш прекрасен —
Ходит он с осанкой гордой,
Речи говорит умело.
Был бы я ему так предан,
Если б не одна формальность:
Мы с Армении налогов
Уж давно не получаем:
Вследствие войны последней
Край под властью шахиншаха.
Но уж если откровенный
Разговор идёт, о други,
То совсем я недоволен,
Что стою от трона слева,
Хотя должен быть правее».

I Стасима

Вот и амфора
Опустошена.
План созрел у «триумвиров» —
Взять севастову порфиру,
Свергнуть кесаря долой
Иль проститься с головой.

II Эписодий

Но тотчас неумолимо
Встал вопрос: «А кто же будет,
Троном обладать вакантным?
Все хотели государство
Вознести к вершинам славы.

Вновь заговорил проэдр:
«Коль была моя идея
Может, мне и стать владыкой?
Впрочем, всё ещё обсудим».

Тут восстал друнгарий Мокий,
Взвился пылкий киликиец,
Очень власть его прельстила.
Но однако ж спохватился,
Обуздал свои порывы,
Скрыл свои улыбкой мысли —
Уж давно в столице жил он.

«Ну конечно ж, всё обсудим, —
Вкрадчиво Флегонт вступил тут, —
А пока наполним кубки,
Ни к чему сейчас волнение».

II Стасима

Ещё амфора
Выпита до дна

Гелиос по́ небу мчит колесницу,
В пределы Зефира (свой путь направляя.
Коварный Дионис, простёрши десницу,

Ввергает в погибель, умы отравляя.

III Эписодий

Третьей амфоры настало
Время жертвою пасть Вакха.
Среди планов грандиозных
Кронос (мчится незаметно.

Вдруг, живот рукой схвативши,
С ложа вскакивает Мокий.
Вон из пиршественной залы
В атрий (бег свой направляет.
Яд из жаб и саламандр,
С медной зеленью и ртутью,
Сделал своё дело быстро,
Душу передав Танату.
(Фолиант Диоскурида
Многие тогда имели).

«О, завистливые боги!
О, жестокая судьбина!» —
Возопил Флегонт тотчас же, —
«Величайшая утрата!..
Кстати, часом, не заметил,
Как наш Мокий торопился,
Жадно пищу поглощая?
Видно, заворот кишечный
Приключился с нашим другом».

Не успев сказать всё это,
Он в конвульсиях забился,
И, лицом побагровевши,
Выкатил глаза наружу.
А из-под него на ложе
Шипя, змейка выползала.
(Очень интересовался
Наш проэдр всяким гадом,
И в саду Теофилакта

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.